

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРА. 2024–2025 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 9 КЛАСС

Задание 1. РАБОТА НАД КОМПОЗИЦИЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Традиционно основу композиции эпического и драматического текста составляет основная сюжетная линия, в которой реализуется центральный конфликт произведения, связанный с образом главного героя. Обычно эта сюжетная линия имеет три композиционных элемента: завязка, кульминация и развязка. Часто кульминация определяет развязку, в которой положение героя улучшается по сравнению с завязкой или ухудшается (счастливый или несчастливый финал).

1.1. Определите произведение по описанию завязки, кульминации и развязки сюжета.

- Завязка: герой по дороге к месту службы встречает незнакомца.
- Кульминация: арестованный герой благодаря заступничеству невесты оправдан.
- Развязка: герой присутствует при казни встреченного им человека.

1. Укажите название произведения.
2. Укажите автора произведения (напишите фамилию, имя, отчество).
3. Укажите жанр произведения.
4. Вспомните как можно больше персонажей произведения. Запишите имена/фамилии персонажей (не менее двух).

Внимание! Ответ, написанный с ошибкой/опечаткой, не засчитывается.

1.2. Сочините кульминационную сцену, которая приведёт к другой развязке, и обозначьте развязку (финал) одной-двумя фразами (чем закончится история). Работа объёмом менее 50 слов будет оцениваться **нулём** баллов.

Оцениваются: логичность и оригинальность сочинённого эпизода (кульминации), его преемственность по отношению к содержанию авторского текста; соответствие развязки (финала) образу и характеру героя и новой кульминации; соответствие стиля сочинённого текста литературному произведению; общая грамотность.

Задание 2. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 300–400 слов. Работа объёмом менее 50 слов будет оцениваться нулём баллов.

Перед ответом на задание укажите НОМЕР варианта текста, который вы анализируете.

Вариант 1

О. А. Рябов (р. 1948)

Смерть старика

Старику снился сон.

В трюме корабля пахнет машинным маслом и горячим металлом, тусклое освещение, что-то кричит ему чумазый механик Михалыч, блестят взад-вперёд мощные шкивы и шарниры. Бум-бум, бум-бум, бум-бум.

Он капитан. Он ведёт свой колёсный буксир из затона. И вдруг – удар! Это – корабль садится на отмель. Он не видит, как падает Михалыч – он просыпается. И «бум-бум, бум-бум» – это не машина, а сердце так бухает. И корабль на мель, это – не корабль, а сердечко что-то забарахлило – вот и проснулся.

Землечерпалки все старые китайцам продали, а на новые денег жалко.

Сто лет назад заботились о реке, не давали ей заилиться, с весны до осени дноуглубительными снарядами фарватеры устраивали, а сейчас... Да разве подпорные дамбы помогут, если в водохранилищах всё дно тиной зальнуло, а родники и речки на глазах умирают.

Старик посмотрел на часы, понял, что больше не уснёт и надо вставать. Он уже три года жил один в трёхкомнатной квартире, с тех пор, как похоронил свою старуху. Дети предлагали съехаться, но мысль о продаже квартиры, жилья, где прожил почти всю сознательную жизнь, приводила его в состояние близкое к отчаянию, и старик не мог этот вариант даже обсуждать. Да и покинуть дом, в котором все соседи были как родные, походило на предательство.

Звали дети его жить к себе: благо у них отдельный дом-коттедж почти в центре города, и комнат в нём хватает. Так проще, в случае чего, присмотреть за стариком, а квартиру можно сдавать. И вроде бы всё решили, и старик переехал к детям, прожил с неделю. Но когда образовались потенциальные квартиранты, пожелавшие осмотреть его жилплощадь, чтобы снять её на довольно длительный срок, и старик услышал, как будут выброшены на помойку и его фотографии, и его книги, и его кресла с диванами, он просто покачал головой и сказал: «Я буду жить здесь». Он не мог своими руками разорить гнездо, построенное его старухой. И дети поняли, что убедить старика ещё раз им не удастся.

Солнышко в окно светило ярко и даже припекало. Сегодня праздник – дети в гости пригласили. Поздняя в этом году Пасха. А вот сегодня Вербное воскресенье, и задумал ещё раньше старик самостоятельно нарезать вербы,

благо она уже распустилась, и местечко он подглядел: между гаражей, рядом с заброшенным стадионом «Водник». Когда-то на нём проходили чемпионаты страны по конькам, бегали герои: Евгений Гришин, однорукий Матусевич. А сейчас – стыдоба: дорожки порушены, на газоне полынь вымахала, скамеечки деревянные все бомжами на костры пущены, одни столбики бетонные торчат.

Хотя что в такой день о грустном. В такой день о добром хочется думать – о подарках. А лучше подарка в Вербное воскресенье, чем букетик вербы, не придумать. Хотя для внучонка Федьки у него есть машинка в коробочке, давно уже прикупил, а старшей, Катеньке, есть бусики малахитовые, бабушкины: пора – ей уже тринадцать лет.

Старик проглотил утренние таблетки, побрился, достал чистую белую рубашку, съел творожный сырок с чашкой тёплого некрепкого чая. Потом он долго искал и не нашёл свой старый перочинный ножик, пришлось взять столовый.

Вербу было видно из-за забора, и её пушистые зачата, выскочившие из почек, уже дразнили, но добраться до неё было нелегко. Зима здесь задержалась, и сугроб между гаражами, по которому надо было добираться до куста вербы, был очень глубоким, снег тяжёлым, водянистым и рыхлым. Старик полез, проваливаясь по колено, часто останавливаясь и отпыхиваясь.

Бум-бум, бум-бум! Это сердечко, там пять железяк торчат, стенты. Только на таблетках оно теперь и держится. Профессор в клинике сказал, что приматы вообще живут до сорока, а остальное – химия! И всё же интересно: на какую отмель я во сне наскочил! Если шёл на колёсном буксире, значит, это – год шестьдесят пятый, может, пониже Васильсурска? Чебоксарской ГЭС ещё не было, а отмелей там было всегда больше чем достаточно. А впрочем, не мель это была, а сердечко!

Вылазка за вербой оказалась удачной: нарезал целый букет, на удивление красивый. Но пришлось идти домой и прилечь на полчаса, отдохнуть. Лежал на диване. Солнечные лучи пробивались через окно и радовали, наполняя комнату, заполненную старыми вещами и убегающими воспоминаниями, ожиданием весны. Да каким ожиданием – весна пришла.

В гости пошёл через сквер, в котором стоял храм во имя Святых Петра и Павла: хотелось освятить вербочку. В советские времена храм был закрыт. В помещении расположился детский кинотеатр «Пионер», и старику без труда вспоминалось, как в послевоенные годы они с мальчишками бегали смотреть по нескольку раз «Тарзана» с легендарным олимпийским чемпионом красавцем Джонни Вайсмюллером в главной роли. В фойе стояла большая, двухметровая, покрашенная белой эмалевой краской фигура легендарного пограничника Карацупы с его верной овчаркой Индусом. Карацупа был героем: он лично застрелил сто пятьдесят шпионов, а триста задержал живьём; и почти все мальчишки тогда хотели стать пограничниками.

Рядом со статуей на лавочке сидела бабушка и рассказывала перед сеансом ребятам сказки. Может быть, это была бывшая учительница, и, может, не такая

уж она была и старая, но одета была так и так себя подавала, что для мальчишек, конечно, сразу становилась бабушкой. А вот как её звали, не вспоминается.

На последнем вечернем сеансе двери из сквера в зрительный зал не закрывались, и заходила туда молодёжь без билетов, чтобы в темноте пообниматься да нацеловаться всласть. Глупые, но приятные воспоминания.

Теперь храм восстановили, освятили, и службы в нём идут регулярно. Но старик к вере так и не обратился – поздно, не получилось. Хотя пробовал. Вокруг храма всё теперь вычищено, благоустроено, и памятник механику-самоучке Кулибину, чьим именем скверик назван, приятно смотреться.

Старик вошёл в храм, перекрестился, отыскал взглядом прилавок со свечами и подошёл.

– Матушка, дай мне две свечи по пятьдесят рублей, – старик протянул сотенную бумажку, а другую сотенную просунул в ящичек с надписью «На восстановление храма». – И подскажи мне, пожалуйста: как мне освятить вербочку мою?

– Ты, батюшка, опоздал, служба-то в двенадцать закончилась, и отец Михаил уже пошёл переодеваться. А ты возьми нашу, уже освящённую, вон – в ведре стоит.

– Нет, матушка. Мне эту надо освятить, я ведь за ней сам ходил! – хотел старик сказать, что лазал, да слукавил.

– Тогда положи её на аналой и помолись. Здесь ведь сегодня всё святое. Батюшка Михаил и окропил, и покадил всё старательно. Хорошая служба была, и народу было много.

И тут откуда-то сбоку, из неприметной дверки вышел в зал молодой мужчина в демисезонном пальто, улыбочивый, с небольшим полиэтиленовым пакетом в руке и с шапкой под мышкой.

– Тётка Вера, поддержи, – обратился он к женщине за прилавком, а сам подошёл к самому амвону, что-то там стал разглядывать или молиться.

– Вот он, наш батюшка, отец Михаил, – шёпотом сообщила старику тётка Вера, отвечавшая за свечную торговлю, – спроси у него.

В тот момент батюшка, раз это был он, перекрестившись на Царские ворота, вернулся к прилавку.

– Батюшка, отец Михаил, – обратился к нему старик, – сходил я, нарвал вербочки, лазал по сугробам и хочу сейчас внучат своих навестить, поздравить их с праздником, а освятить-то и опоздал. Как мне быть? Может, поможете?

– А ты сам-то в храм ходишь ли?

– Нет. Редко. Лоб крещу, а молитву только одну выучил. Ну, думаю, что у внучат всё лучше будет, чем у нас было, в этом плане.

– Что же ты поздно пришёл? Я уже переоделся.

– А что, в цивильном-то нельзя?

– Да можно, конечно. Давай свой букетик.

Батюшка скинул пальто на прилавок к тётушке Вере и скрылся где-то в углу храма через ту самую неприметную дверку. По крайней мере, старик

даже не заметил как. Ждать пришлось почему-то долго. Теётка Вера даже усадила старика на стул. Батюшка вернулся снова, улыбаясь.

– Ну вот, дед, держи, – всё освятил, тебя благословляю, и твоим внучатам благословение моё передай. И вот ещё образок возьми.

Батюшка почти сунул в руку старику бумажную иконку: Иисус ехал на осле. Правильно: ведь Вербное воскресенье это и есть въезд Господа нашего в Иерусалим, – сообразил старик.

На улице старику стало не по себе: не то чтобы плохо, но голова закружилась. Может – от солнышка? Он шёл вдоль скамеек, на которых сидели старухи и нищие, раздавая им всем по монетке, специально взял дома из коробки, куда ссыпал мелочь из карманов. Около последней скамейки он остановился передохнуть, а потом и сел, сняв свою капитанскую фуражку без кокарды.

«Надо какую-нибудь палку или клюшку купить. Говорят, с палкой легче ходить. С другой стороны, как-то стыдно: почтенный, но вполне ещё мужской возраст», – подумал про себя.

Мимо шли люди, но в голове стоял туман, и никак не фиксировалось происходящее рядом. Проходила молодёжь, весёлая, крикливая, уверенная:

– Что, полковник, кокарду-то с советским гербом снял с форменной фуражки? Стыдно, что ли, стало? Не стыдись, мы гордимся вами, стариками. Вот тебе, купи себе на барахолке настоящую кокарду, заслуженную, нацепи и носи, – молодой парень остановился около старика, пошарил в заднем кармане, вытащил тысячерублёвую купюру и небрежно бросил её в лежащую на скамейке фуражку старика.

– Храни вас Господь, – прошептал старик, но получилось как-то неуклюже.

Шёл по главной аллее парка. Дымились среди вековых лип костерки из собранных в кучи прошлогодних полуистлевших листьев. Почему-то вновь стало легко дышать, слышался смех ребятишек, грачиный истошный весенний грей. Дальше ехал на трамвае.

Дома были только внучата, сын с невесткой ушли в магазин, вот-вот придут. Старик вручил подарки своим Федьке и Катеньке, пришил памятку, похлопав вербными прутиками по рукам и спине своих внучат. Федька всё хвастал, что научился букву «р» выговаривать, и демонстрировал, Катенька совсем девушкой стала: засмушалась, бусики в ладошки сгребла, деда в щёку чмокнула и убежала.

Старик устроился на диване дожидаться старших детей.

Когда те вернулись с покупками, старик сидел на диване и, казалось, спал со счастливой улыбкой. Рядом лежала его перевернутая фуражка с иконкой и тысячерублёвкой внутри.

– Папа! – тронула его невестка за плечо. Старик повалился.

(2017)

Вариант 2

Д. В. Веневитинов (1805–1827)

Спокойно дни мои цвели в долине жизни;
Меня лелеяли веселие с мечтой.
Мне мир фантазии был ясный край отчизны,
Он привлекал меня знакомой красотой.

Но рано пламень чувств, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
Я жизни сладостной теряю луч счастливый,
Лишь воспоминание от прежнего храня.

О муза! я познал твоё очарованье!
Я видел молний блеск, свирепость ярых волн;
Я слышал треск громов и бурей завыванье:

Но что сравнить с певцом, когда он страсти полн?
Прости! питомец твой тобою погибает
И, погибающий, тебя благословляет.

(1825)